

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Александр МЕЛИХОВ

УРОДЛИВАЯ ХИЖИНА

Фридрих Горенштейн. Бердичев. М., «Текст», 2007, 317 с.

Две трети небольшой, стильно изданной книжки занимает именно «Бердичев» — «драма в трех действиях, восьми картинах, 92 скандалах», скандалах, протянувшихся от Сталина до наших дней, практически не меняясь. Над головами главных героев, вернее героинь, прокатываются грандиозные исторические события, а они, нахрапистая Рахиль Капцан, урожденная Слуцкая, и ютящаяся с нею в одной квартире кроткая и болезненная сестра Злота взирают на мир исключительно с точки зрения бытовых потерь и приобретений.

Муж Рахили погиб под Харьковом, там ведь жуть что творилось — «жуть, а? Так он должен был туда попасть». О погибшем муже Рахиль вспоминает довольно часто, жалея, впрочем, не столько его, сколько себя. Об истребленных соплеменниках она тем более горюет гораздо меньше, чем о потерянном имуществе, расхищенном, пока она была в эвакуации: «Я знаю, где мои вещи, где моя мебель... Моя мебель в селе Быстрик... Рассказывают, что молочница, которая носила нам молоко, приехала с подводой и забрала нашу мебель. Ей она понравилась. Но что, я пойду в этот Быстрик, чтобы мне там голову сняли?» Ее волнуют более злободневные вещи: «Здесь за стеной живет некий Бронфенмахер из горкомхоза, который только хочет ходить через моя кухня... Что вы скажете, товарищ Вшиволдина, он имеет право устроить себе черный ход через моя кухня и носить через меня свои помои? В землю головой чтоб он уже ходил... На костылях чтоб он ходил... Что, я не знаю, родители его были большие спекулянты, их в тридцатом году раскулачили».

Но Злота не терпит очернительства: «Зачем ты так говоришь? Его отец был простой сапожник. Я очень правильная... Я Доня с правдой». Доня, если вы не знаете, «это была такая революционерка. Она всегда любила говорить правда». При этом каждая из спорщиц считает себя безвинной страдальцей: «Она от меня рвет куски!» — «Я имею от нее отрезанные годы!» И это тянется именно годами и десятилетиями — скандалы и дразги с сестрой, с зятьями, с племянником Вилей, успешно осваивающим нравы «гойской» шпаны, по мере сил, впрочем, затрудняющей еврейчику проникновение в это высшее общество. И поводы для свар всегда густопсово бытовые — кажется, только однажды, на празднике Победы неукротимую скандалистку задевает что-то идейное. У обелиска контуженный полковник Маматюк заявляет, что здесь похоронены все нации, защищавшие родину, — кроме жидов.

«Нет, ты слышала, что сказал этот гой? Чтоб его гром убил и второго тоже вместе с их женами и детьми». — «Идем домой, он же не тебе это сказал», — пытается утихомирить воительницу Рахиль кроткая Злота, но не тут-то было: «Мой муж убит, а он будет говорить такие слова... Я ему морду побую...» — «Ой, я не могу жить. Она хочет иметь горе», — язык пьесы настолько великолепен, настолько насыщен восхитительными местечковыми уродствами, что хочется цитировать бесконечно.

Но это нужно читать и смаковать, читать и смаковать — это истинный шедевр, порождающий удивительную смесь брезгливости, сострадания и восхищения. Насколько же полон драм и страстей этот убогий зоценковский мирок! Большой мир еще раз проникает в эту герметичную коммуналку лишь на самых последних страницах. Горенштейн с его мощным трагическим даром не был бы Горенштейном, если бы в конце концов не вышел на символ, на притчу, на метафору.

Уже в семидесятые в Бердичев на несколько дней приезжает из Москвы Виля, сделавшийся, судя по всему, широко известным в узких кругах деятелем еврейского национального возрождения, и наблюдает, как уже на краю гроба сестры продолжают свои извечные препирательства: «Она от меня куски рвет». — «Я железная, что я от нее столько выношу». — «Ты и твои дети сумасшедшие!»

– «Чтоб тебе вывернуло рот!» Первое движение еврейского романтика немедленно уехать. Но, побродив по своей малой родине, он вдруг произносит проникновенный монолог: «Я понял, что Бердичев – это уродливая хижина, выстроенная из обломков великого храма для защиты от холода, и дождя, и зноя...».

«Вся эта уродливая хижина Бердичев человеку, приехавшему из столицы, действительно кажется грудой хлама, но начните разбирать это по частям, и вы обнаружите, что заплыванные, облитые помоями лестницы, ведущие к покосившейся двери этой хижины, сложены из прекрасных мраморных плит прошлого, по которым когда-то ходили пророки, на которых когда-то стоял Иисус из Назарета... В московских квартирах вы этого не ощутите».

Этот монолог резко возвышает масштаб драмы – и вносит в нее схематизм. Но тут уж приходится выбирать: либо безупречное бытописание, либо несовершенная масштабность, выигрыв в глубине оборачивается проигрышем в достоверности. Зато особенно хорошо начинаешь понимать, зачем образованному преуспевающему человеку нужна связь со своим невежественным зачуханным народом, – для обретения красивой величественной родословной, уходящей в таинственные глубины древности. Сказка индивида невозможна без сказки рода, а потому социальные сказки-однодневки никогда не смогут составить серьезной конкуренции национальным грезам.

Две другие вещи, включенные в книгу, – повести «Искра» и «Маленький фруктовый садик» – как раз и посвящены образованным, социально благополучным евреям, мучающимся из-за отсутствия собственной национальной химеры, которая есть у каждого русского забулдыги, и нехватка этого пустячка гложет их подобно авитаминозу. Оттого они и зациклены на национальных проблемах – совершенно неадекватно для тех, у кого подобных проблем нет, – сытому человеку всегда кажется, что голодному следовало бы смотреть на мир как-то более широко...

Обе повести великолепно и – кто бы мог ждать этого от Горенштейна – с большим юмором написаны, читаются с наслаждением, но рядом с «Бердичевым», на мой взгляд, все-таки проигрывают. Однако рядом с этим шедевром даже классику трудно не проиграть себе самому.

При этом народный заступник при всей огненной боли за униженность своего народа отнюдь не льстит ему, писатель прекрасно видит и смешные, и малоприятные качества и еврейских бунтарей, и еврейских конформистов, отдавая им, например, и такие, более чем неглупые, рассуждения: «За общую беду, за общие унижения и страдания компенсацию в первую очередь требуют и получают худшие. Худшие из потерпевших своими действиями и своей моралью дают возможность свергнутым преследователям и палачам оправдаться и снова вернуться к прежним замыслам».

Так что лучше ничего не колыхать, не будить лиха: «Страх перед народом всегда прижимал общество к правительству, и в восемнадцатом веке это спасло страну от пугачевщины. Но когда заблуждения девятнадцатого века развеяли этот страх, общество отбилось от правительственных рук и попало в народные когти. Однако те, кто выжил, должны учесть уроки. Теперь у нас снова правительство, которое, слава богу, как и мы, боится народа. И если это правительство по глупости своей не хочет опереться на нас, мы должны быть умными и опереться на него».

Против этой логики трудно что-нибудь возразить, если забыть, что народам ощущение собственной красоты важнее безопасности. Предпочтя безопасность, они перестают существовать, ибо устроиться в мире с комфортом всегда лучше поодиночке.

Игорь АНДРИАНОВ

КАК РОЖДАЮТСЯ НЛО И ТОРСИОННЫЕ ПОЛЯ?

Дм. Быков. Оправдание. М.: Вагриус, 2005, 288 с.

Вечная трагедия науки: уродливые факты убивают красивые гипотезы. Томас Хаксли

Давно замечено: как правило, аннотация книги отражает ее содержание с точностью кривого зеркала. Например, на обложке «Оправдания» читаем: «Дм. Быков предлагает свою версию событий 1937 года. Оказывается, приговоренных к расстрелу свозили в специальные лагеря...». На месте Дм. Быкова я бы подал на составителя этой «аннотации» в суд: все-таки объявить в

открытую автора шизофреником не есть хорошо. Кроме того, эта аннотация, несомненно, уменьшила количество читателей – «опять фантазмагория на тему террора 37 года!». На самом деле замечательная книга Быкова посвящена тонкому анализу возникновения лженаучной теории, и я бы настоятельно рекомендовал прочесть ее всем, кто имеет к науке отношение.

Кратко суть «Оправдания» сводится к следующему: некоего историка Рогова мучает вопрос о смысле террора 1937 года. Что ж, вопрос в рамках исторической науки вполне правомерный. Под влиянием нескольких рассказов, показавшихся Рогову связанными некоей общей подоплекой, выдвигается гипотеза: на самом деле Хозяин устроил своему народишке Проверку. Человек, выдержавший все пытки, – человек из железа, и из таких людей формировались специальные отряды, выигравшие войну. Что ж, гипотеза как гипотеза, остается выяснить, «достаточно ли она безумна, чтобы быть верной». Лженаука вовсе не в том, что исследователь выдвигает некое фантастическое предположение, а в его дальнейшей верификации. Первый признак намечающейся лженауки – открыватель блюдет сугубую секретность. Обусловлено это, на рациональном уровне, боязнью потерять приоритет («Украдут идею!»). Подсознательно же, как мне кажется, это боязнь именно того самого уродливого факта, столкновения с которым может не выдержать изящная конструкция теории. Человек устроен так, что способен с большим успехом водить себя за нос. Это очень хорошо показано в «Оправдании»: в воспаленном воображении Рогова многие события прекрасно укладываются в его схему! Вот «неопровержимое» доказательство: некоторые люди, якобы расстрелянные в 1937, через много лет давали знать о себе друзьям и родственникам, например, звонили им! А некоторые очевидцы даже видели таких людей, получивших 10 лет без права переписки! До непосредственных контактов, правда, дело не дошло, но это тоже можно объяснить (выжившие сами не хотели таких контактов). Мастерство Быкова проявляется в том, что мы невольно втягиваемся в мир роговских «сновидений наяву», и нам тоже начинает казаться: в этом что-то есть! Да вот хотя бы звонки! Элементарные соображения, которые автор приводит в конце, – например, девочка так мечтает увидеть отца живым, что ей любой незнакомый мужской голос легко может показаться отцовским, – нам в голову не приходят. Мы все верим в чудесное и, хотя хорошо знаем о существовании «бритвы Оккама»: «Не умножайте сущностей сверх необходимого!», брить себя ею никак не желаем. Мозг услужливо ищет и предоставляет доказательства справедливости нашего предположения, загоняя сомнения в подсознание (поэтому неосознанная тревога, часто делающая адепта лженаучной теории столь агрессивным, остается). Человеку трудно объективно оценивать себя и свои творения, именно поэтому существование достаточно консервативного научного общества, обеспечивающего беспощадную критику любых новых теорий, необходимо для функционирования науки, а открытость новой теории критике коллег – необходимое условие ее объективной проверки.

В книге автор топит своего героя в болоте, заставляя его перед смертью осознать всю нелепость своего предположения. Нельзя быть таким жестоким, г-н Быков! Дайте же человеку хотя бы умереть счастливым! Но в реальной жизни все обстояло бы по-иному: Рогов вернулся бы из своей экспедиции, окончательно уверившись в существовании Проверки. Некие мелкие несоответствия нашли бы вполне достаточные объяснения, и, возможно, Рогов бы даже поговорил с секретными обитателями Чистого – в средние века люди встречались с чертями и ведьмами каждый день, а в экспедициях по поиску снежного человека некоторые участники видели Йети, более того, некоторые женщины даже забеременели от снежных людей!

Рогов в книге – жертва наследственного психического заболевания. В жизни навязчивая идея обычно – единственная ненормальность (если ее можно так назвать), присущая данному индивиду. Часто она является подсознательным ответом на трудности жизни, некоей попыткой построить свой «правильный» мир. Но это уже область психологии, а я очень рекомендую прочесть книгу Быкова всем, кто хочет понять происхождение «снежного человека», «загадки Бермудского треугольника», «уфологии» – продолжите этот список сами! – и, по возможности, избежать участи Рогова.